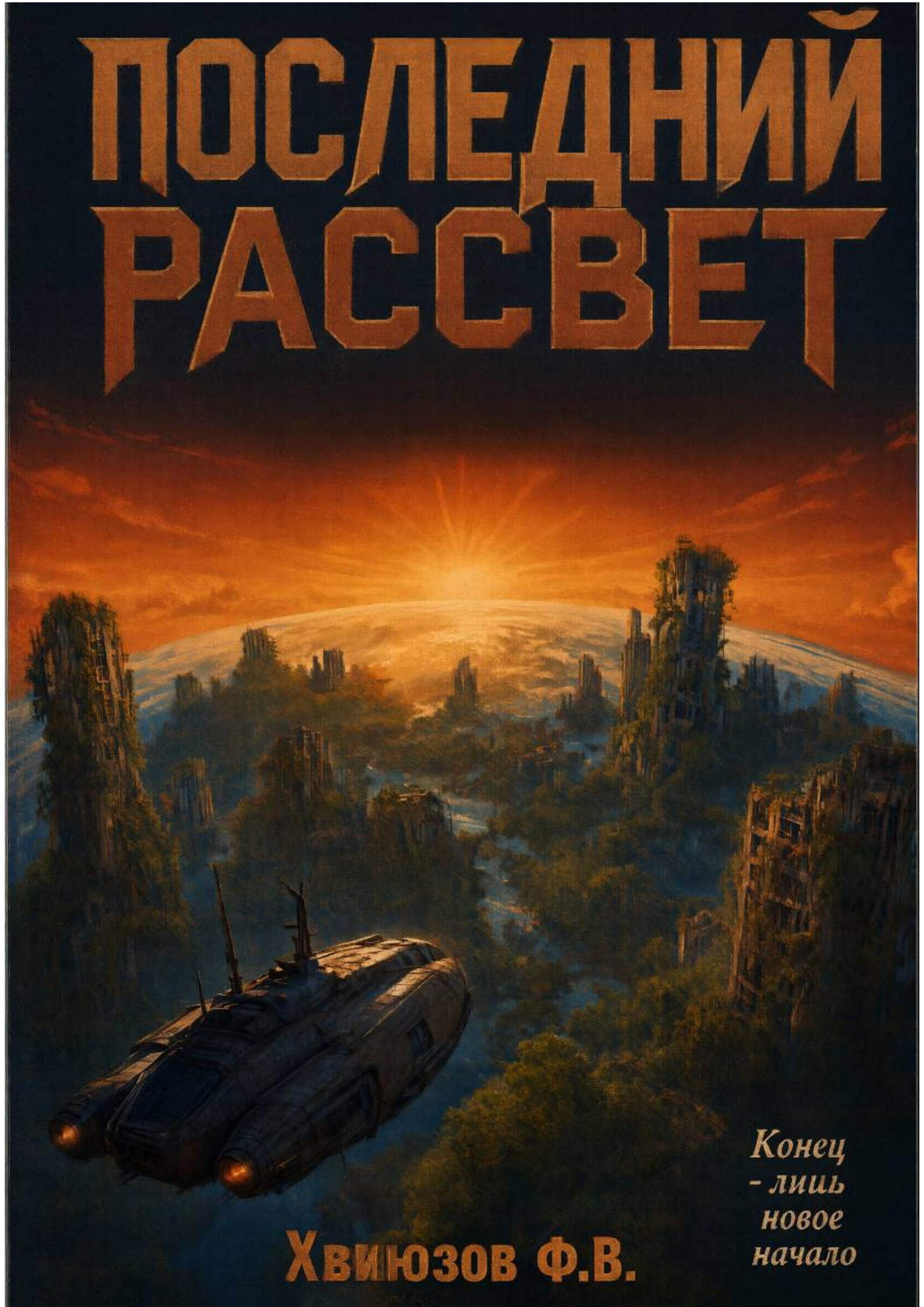
ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

Конец - лишь новое начало

Хвиюзов Ф.В.

Фёдор Хвиюзов

Последний рассвет

«Автор»
2026

Хвиюзов Ф. В.

Последний рассвет / Ф. В. Хвиюзов — «Автор», 2026

Земля сгорает в ядерном огне. Двести лет спустя разум пилота, запертый в умирающем корабле, решает добить остатки человечества. Но под Уралом просыпается его лучший друг — и он намерен спасти всех. Даже того, кто на орбите.

© Хвиюзов Ф. В., 2026
© Автор, 2026

Фёдор Хвиюзов
Последний рассвет

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

Рассказ в тринадцати главах с эпилогом

Глава 1. Ключ на старт

В последнее утро старого мира Илья Корнеев проснулся за четыре минуты до будильника и долго лежал, глядя в потолок гостиничного номера при космодроме. Потолок был белый, с тонкой трещиной, похожей на русло высохшей реки. Он рассматривал её все три недели карантина и знал наизусть каждый её изгиб. Сегодня он видел её в последний раз — и почему-то от этой мысли стало не радостно, а тихо и пусто, как бывает в квартире после переезда.

— Двадцать восемь лет до этого утра, — сказал он вслух, сам себе. — И три недели этой трещины.

Его ракета называлась «Рассвет». Точнее, ракетой был носитель, огромный, похожий на белый карандаш, поставленный на стол посреди степи, а «Рассветом» назывался корабль на его верхушке — тесный, лёгкий, напичканный электроникой так, что инженеры шутили, будто пилот там нужен только для того, чтобы было с кем поговорить бортовому компьютеру. Это был первый в истории полёт, где человек сам вёл корабль от старта до орбиты, без единой автоматической программы выведения. Первый по-настоящему управляемый запуск. Новые двигатели, новый принцип управления, нейроинтерфейс, связывавший мозг пилота с системами корабля напрямую. Журналисты называли это «вторым Гагариным». Илья это название ненавидел.

В шесть утра ему принесли завтрак — тюбики, кашу, крепкий чай без сахара. В семь — медосмотр. В восемь он сидел в маленькой комнате с зелёными стенами и записывал обязательное обращение «на случай нештатной ситуации». Так это называлось в документах. На деле это было прощальное письмо — на случай, если он не вернётся.

Он записал короткое и правильное для родителей, ещё короче — для руководства программы. А потом попросил оператора выйти и включил камеру ещё раз.

— Матвей, — сказал он в объектив и почувствовал, как глупо улыбается. — Ты сейчас спишь. Лежишь в своём холодильнике под горой, синий, как пельмень, и тебе всё равно. А я лечу. Помнишь, нам было по десять, и мы с крыши гаражей запускали ракету из бутылки и марганцовки? Ты сказал тогда, что я полечу, а ты будешь меня ждать внизу и чинить всё, что я сломаю. Ну вот. Я лечу. Ты внизу. Всё по плану.

Он замолчал. Хотелось сказать что-то важное, но важное не находилось.

— Когда проснёшься через пять лет, — сказал он наконец, — я тебе всё расскажу. Как там, сверху. Обещаю. И, Мотя… Если вдруг что — не злись. Ты всегда был лучше меня. Ты в людей верил. А я — только в железо. Береги это в себе. Ладно. Конец записи.

Он не знал тогда, что Матвей услышит эти слова через двести лет, в мёртвом бункере, сидя на полу среди пыли, и будет слушать их снова и снова, пока не выучит каждую паузу.

Матвей Ланской, его друг детства, биолог и инженер систем жизнеобеспечения, полгода назад лёг в экспериментальную криокапсулу проекта «Летаргия» на глубине двухсот метров под старым уральским хребтом. Пять лет искусственного сна — проверка, сможет ли человеческое тело пережить долгий перелёт к другим планетам. Матвей вызвался добровольцем первым. Илья тогда кричал на него на кухне, называл идиотом, говорил, что это опыт на кроликах. Матвей только пожимал плечами.

— Кто-то же должен быть первым кроликом, — сказал он. — Ты полетишь на Марс, а я проверю, как тебе там спать по дороге. Справедливо.

Илья вспоминал этот разговор, пока лифт поднимал его на верхушку стартовой башни. Внизу, на равнине, стояли люди — крошечные, как рассыпанные зёрна. Небо было ясным и пронзительно голубым, с одной-единственной белой полосой на востоке.

В девять сорок его пристегнули к креслу. В девять пятьдесят закрыли люк. Металл щёлкнул, и мир стал размером с кабину: панели, экраны, ремни и тонкий обруч нейроинтерфейса на голове. Когда систему включили, Илья ощутил корабль, как ощущают собственную руку, затёкшую во сне: сначала покалывание, потом тяжесть, потом — понимание. Он чувствовал баки с горючим как полный желудок. Чувствовал двигатели как напряжённые мышцы ног. Это было странно, жутко и прекрасно.

— «Рассвет», я «Земля», как самочувствие? — голос руководителя полёта, Сергея Аркадьевича, звучал в наушниках спокойно и чуть хрипло.

— «Земля», я «Рассвет». Самочувствие отличное. Корабль слышу. Корабль меня слушается.

— Принято. Даём протяжку.

Минуты потекли густо, как мёд. Отсчёт, проверки, короткие доклады. Илья слышал собственное сердце, и оно билось ровно — врачи потом скажут, что пульс у него при старте был ниже, чем у многих в зале управления.

— Ключ на старт.

— Есть ключ на старт.

— Пуск.

Земля под ним вздрогнула. Не так, как в кино, — грохот пришёл не сразу, сначала пришла дрожь, мелкая, глубокая, будто где-то под степью проснулся великан и пошевелил плечом. Потом навалилась тяжесть. Илья почувствовал, как его вдавливает в кресло, как щёки ползут к ушам, а мысли становятся медленными и вязкими. Но нейроинтерфейс работал. Он не держал рукоятки — он сам был кораблём, и он поднимал себя вверх, сквозь голубое, сквозь белое, в тёмно-синее.

— Тангаж в норме. Крен в норме. Иду по траектории, — докладывал он, и голос казался ему чужим.

— Отделение первой ступени.

Толчок. Мгновение невесомости, от которой ёкнуло в животе, — и новая тяжесть.

— Сброс головного обтекателя.

И тогда он увидел. Створки отошли, и за стеклом иллюминатора открылось небо — не голубое, не синее, а чёрное. Абсолютно, бесконечно чёрное, с тонкой голубой каймой там, где кончалась Земля. Он видел изгиб планеты. Видел облака, похожие на белую пену на поверхности молока. Видел океан, тёмный, переливающийся.

— «Земля», я «Рассвет», — сказал Илья, и у него перехватило горло. — Вижу Землю. Она… Она очень красивая.

— Слышим тебя, Илья. Тут полный зал людей, все плачут. Ты молодец.

Через девять минут после старта «Рассвет» вышел на орбиту. Илья отстегнул ремни, и его тело мягко всплыло над креслом. Карандаш, который он взял с собой на удачу, повис в воздухе и медленно поплыл к потолку. Илья рассмеялся — громко, по-детски. Где-то под горой спал Матвей, и Илья подумал, что расскажет ему про этот карандаш в первую очередь.

Он сделал первый виток. Потом второй. Над Тихим океаном он поймал рассвет — настоящий, орбитальный, когда солнце вспыхивает из-за края Земли, будто кто-то включает прожектор, и за несколько секунд тьма превращается в ослепительный день. Корабль был назван в честь этого. Илья смотрел, не моргая, пока не заслезились глаза.

На третьем витке Солнце сошло с ума.

Сначала сработали датчики радиации. Корабль закричал внутри его головы — не звуком, а ощущением, будто по коже провели раскалённой проволокой. Потом на экранах побежали

цифры, которые не могли быть правдой: поток частиц, рентгеновское излучение, магнитные возмущения — всё в сотни раз выше любого записанного в истории максимума.

— «Земля», у меня радиационная тревога. Фиксирую аномальную солнечную активность. «Земля», как слышите?

— Слышим, «Рассвет»… — голос Сергея Аркадьевича прерывался треском. — У нас… сбои по всей… Илья, уходи в тень Земли, разворачивай корабль защитой к Солнцу, слышишь? Немедленно!

Он развернул. Корабль послушался мгновенно — тяжёлый щит из многослойного композита встал между ним и бешеным светом. Илья забился в самый защищённый угол кабины, в укрытие размером с гроб, предусмотренное как раз на такой случай, о котором никто всерьёз не думал.

Это была супервспышка — событие, которое учёные считали возможным раз в несколько тысяч лет. Гигантский выброс солнечной плазмы, обрушившийся на Землю через считанные часы. Магнитное поле планеты прогнулось под ним, как тонкое стекло под кулаком. В проводах по всему миру вскипели токи, каких никогда не знали трансформаторы. Электростанции взрывались одна за другой. Спутники слепли и падали. Связь гасла континентами.

А потом проснулись машины, которые были созданы для конца света.

Многие десятилетия великие державы строили автоматические системы ответного удара — на случай, если люди не успеют отдать приказ. Системы, которые слушали небо, землю и эфир и ждали одного: признаков ядерной атаки. Электромагнитный удар, вспышки в атмосфере, исчезновение связи с командными центрами, разом погасшие станции раннего предупреждения — всё, что сейчас происходило по всей планете, для этих машин выглядело именно так. Как первый удар противника.

И машины ответили.

Илья узнал об этом не сразу. Когда его корабль снова вышел из тени планеты, он прижался к иллюминатору — и увидел на ночной стороне Земли огни. Не огни городов, к которым он привык за несколько витков, — те как раз погасли, все, разом, будто кто-то выдернул вилку из розетки. Это были другие огни. Короткие, ослепительно белые вспышки. Одна. Ещё одна. Десять. Сотня. Они расцветали на тёмном теле планеты, как цветы, и каждый цветок был городом, которого больше нет.

Взрывались не только ракеты. Взрывались склады, хранилища, реакторы — повреждённые, без охлаждения, без людей, которые могли бы их заглушить. Цепная реакция катастрофы шла по планете, как пожар по сухой траве.

— «Земля», — шептал Илья. — «Земля», ответьте. «Земля»… Сергей Аркадьевич… Кто-нибудь…

В наушниках шипела тишина.

Он висел у иллюминатора двенадцать часов, пока корабль не начал предупреждать его об обезвоживании. Он видел, как над континентами поднимаются серые грибы, как их сносит ветром, как дым сливается в одно огромное грязное покрывало. К концу вторых суток Земля под ним перестала быть голубой. Она стала бурой, как старая рана.

Где-то под Уралом, в двухстах метрах под камнем, Матвей Ланской спал и ничего не знал. Автоматика бункера «Глубина-7» зафиксировала толчки, перешла на автономное питание от собственного маленького реактора и задраила гермоворота. По протоколу персонал должен был вывести испытуемого из сна в случае чрезвычайной ситуации. Но персонала больше не было. И протокол остался невыполненным.

Капсула продолжала держать человека в холоде. Ей никто не сказал, что можно остановиться.

Глава 2. Тишина

Первые сто дней Илья ещё делал записи в бортовом журнале.

«День 4. Связи нет. Пробую все частоты. Ловлю только автоматические маяки — несколько военных спутников ещё живы, передают коды. Людей нет».

«День 11. Сегодня впервые увидел в просвете облаков Европу. Там, где была Москва, — серое пятно. Не плакал. Кажется, разучился».

«День 29. Рассчитал запасы. Воды при полной регенерации хватит на годы. Еды — на два года, если урезать паёк. Кислород — система замкнутая, держит. Корабль строили для длительной миссии, мне повезло. Или не повезло. Ещё не решил».

«День 47. Спускаться некуда. Посадочная капсула рассчитана на приземление в заданном районе со спасательными службами. Служб нет. Района, скорее всего, тоже нет. Радиация внизу убьёт меня быстрее, чем голод здесь».

«День 63. Снова слушал эфир. Поймал голос. Женщина, говорит по-английски, повторяет одно и то же: где-то в Канаде лагерь, есть вода, приходите. Запись. Она крутится по кругу. Не знаю, жива ли она сама».

«День 100. Не вижу смысла писать дальше. Никто не прочтёт».

Он перестал писать. Но не перестал говорить.

Сначала он разговаривал с кораблём. Бортовой компьютер «Рассвета» был умным — самым умным, какой могли построить к тому времени: он поддерживал беседу, шутил по заранее записанным шаблонам, напоминал о тренировках и приёме витаминов. Илья назвал его Сашей — без особой причины, просто чтобы было имя. Саша не возражал.

— Саша, сколько мы уже здесь?

— Двести четырнадцать суток, шесть часов, восемнадцать минут, Илья.

— А там внизу кто-нибудь остался?

— У меня недостаточно данных для ответа на этот вопрос.

— Это не ответ.

— У меня недостаточно данных для ответа на этот вопрос, Илья.

Потом он начал разговаривать с теми, кого не было. С мамой — по утрам, когда корабль выходил на дневную сторону. С Сергеем Аркадьевичем — во время проверок систем, докладывая ему пустоте, как полагается. С Матвеем — по ночам.

— Мотя, — говорил он, лёжа в спальном мешке, пристёгнутом к стене. — Ты ведь жив. Ты под горой, у тебя там свой реактор, свои стены, а их строили на случай войны. Ты проснёшься. Ты обязательно проснёшься. Помнишь, ты всегда говорил: люди живучие, как тараканы. Вот и докажи.

Матвей не отвечал. Но Илье казалось, что он слушает.

На второй год закончилась еда. Не вся — он нашёл заначки, которые инженеры спрятали в нишах для психологической поддержки экипажа: шоколад, сушёные яблоки, банку красной икры с запиской «за первый выход на орбиту!». Записку он прочёл, наверное, тысячу раз. Её написала девушка из отдела снабжения. Он не знал её имени. От этого почему-то было особенно больно.

Он начал выращивать водоросли в экспериментальном модуле — их полагалось изучать, а не есть, но это было неважно. Водоросли были на вкус как мокрая трава с йодом. Он ел их и смеялся, потому что Матвей когда-то, ещё студентом, писал курсовую про то, как космонавты будущего будут питаться хлореллой. «Ты был прав, Мотя, — говорил он. — Гадость невыносимая. Пять баллов».

На третий год у него начали выпадать зубы.

На четвёртый — он перестал узнавать себя в зеркале. Лицо стало серым и острым, волосы — белыми. Невесомость съедала кости, радиация, которую не мог до конца остановить даже лучший щит, — кровь. Тренажёры помогали всё меньше. Однажды он сломал палец, просто закрывая люк, и долго смотрел на распухшую руку, не понимая, почему ему не больно.

А ещё через год он понял, что разговаривает с Матвеем не один.

Матвей начал ему отвечать.

Голос был точно таким, как он помнил: чуть насмешливый, с мягкой картавостью на букве «р», которую Матвей так и не исправил, хотя мама водила его к логопеду. Голос приходил ночью, когда корабль летел над тёмной стороной Земли, и звучал как будто изнутри шлема.

— Ты бы поспал, Илюха.

— Не могу. Если я усну, меня тут никто не разбудит.

— Я разбужу.

— Ты сам спишь. Ты спишь двести метров под землёй. Ты не можешь меня разбудить.

— Тогда давай спать вместе. Как в лагере, помнишь? Когда вожатая думала, что мы спим, а мы под одеялом читали фантастику с фонариком.

Илья знал, что это галлюцинация. Знал — головой, той её частью, которая ещё оставалась пилотом и инженером. Но он так хотел, чтобы это был Матвей, что перестал спорить.

На шестой год голос изменился.

— Знаешь, что я думаю, Илюха? — сказал он однажды, и в нём уже не было мягкости. — Я думаю, они сами виноваты. Люди. Построили машины, чтобы убить друг друга, и машины сделали ровно то, для чего их построили. Солнце просто нажало на кнопку, которую они сами сделали.

— Не говори так.

— Почему? Ты же сам это видел. Ты видел, как они взрывались.

— Ты не Матвей. Матвей так не сказал бы.

— А кто я тогда?

Илья не ответил. Он не знал.

К этому времени корабль тоже начал умирать. «Рассвет» был построен на пять лет полёта, с запасом прочности на десять. Но он не был построен для вечности. Одна из солнечных панелей перестала разворачиваться после удара микрометеорита. Система регенерации воды давала сбои, и вода начала пахнуть металлом. В обшивке появились микротрещины, и давление в отсеках медленно, неумолимо падало. Илья латал их, как мог, — герметиком, фольгой, клейкой лентой, — но каждый выход в скафандре давался ему всё тяжелее. Его тело больше не годилось для работы.

На седьмом году он упал в обморок посреди ремонта и пришёл в себя через одиннадцать часов, висящим в шлюзе, с пустым баллоном кислорода. Его спас Саша: компьютер сам, без команды, закрыл внешний люк и наполнил шлюз воздухом.

— Почему ты это сделал? — спросил Илья, когда смог говорить.

— Моя главная задача — сохранение жизни пилота, Илья.

— А если пилот не хочет жить?

— У меня нет протокола для этой ситуации.

Тогда Илья вспомнил о «Мнемозине».

Это был секретный экспериментальный модуль, о котором знали только трое человек на программе — он, главный конструктор и ещё один нейрофизиолог, фамилию которого Илья уже забыл. Нейроинтерфейс, связывавший пилота с кораблём, был не просто системой управления. Он был задуман как первый шаг к будущему, в котором человеческое сознание сможет существовать отдельно от тела. «Мнемозина» постоянно записывала структуру его мозговой активности — каждый импульс, каждую связь, каждое воспоминание. Предполагалось, что через десятки лет, на основе таких записей, люди научатся переносить разум в машину. Но конструктор, человек увлекающийся и немного безумный, встроил в модуль экспериментальную функцию полного переноса. На всякий случай. Для истории.

«Если всё совсем плохо — это выход, — сказал он Илье перед стартом, наполовину шутя. — Не знаю, куда он ведёт. Может быть, в никуда. Но это лучше, чем ничего».

Илья долго смотрел на панель. На маленькую кнопку под прозрачной крышкой, на надпись «ПОЛНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ. НЕОБРАТИМО».

— Саша, — сказал он. — Если я нажму эту кнопку, что будет со мной?

— Согласно документации, структура вашего сознания будет перенесена в вычислительную среду корабля. Биологическое тело при этом утратит высшую нервную деятельность. Вероятность успешного переноса оценивается в тридцать семь процентов. Вероятность сохранения личности при успешном переносе — данных нет.

— Тридцать семь процентов.

— Да, Илья.

— Это больше, чем у меня сейчас.

Он ждал ещё месяц. Ему хотелось увидеть хоть что-нибудь — огонёк на ночной стороне Земли, сигнал, человеческий голос в эфире. Однажды ночью ему показалось, что над Сибирью мерцает костёр — крошечная оранжевая точка в бесконечной тьме. Он смотрел на неё, пока корабль не ушёл за горизонт, и плакал без слёз, потому что слёз у него больше не было.

На следующем витке он её не нашёл.

— Мотя, — сказал он в пустоту. — Если ты слышишь… Я не сдаюсь. Я просто меняю форму. Ты бы понял. Ты всегда понимал, что жизнь — это не тело, а то, что в нём. Значит, я ещё поживу. В железе. Ты же говорил, я только в железо и верю.

Голос, похожий на голос Матвея, молчал.

Илья откинул прозрачную крышку и нажал на кнопку.

Было больно. Невероятно, невозможно больно — так, будто каждую клетку его мозга вытаскивали пинцетом и раскладывали на стекле. Он кричал, но не слышал крика. Он видел вспышки, цвета, лица — мама, отец, Матвей на крыше гаражей, рыжая собака, которую они нашли в шестом классе, девушка из отдела снабжения, которую он никогда не видел, но сейчас почему-то видел ясно. Он видел трещину на потолке гостиничного номера, похожую на русло реки. Он видел белые цветы, распускающиеся на тёмном теле Земли.

А потом не было ничего.

А потом он открыл глаза, которых у него больше не было.

Глава 3. Глаза

Первое, что он почувствовал, — холод. Не тот холод, что жалит кожу, а другой: холод космоса, разлитый по металлу обшивки. Он чувствовал его так, как раньше чувствовал собственные пальцы. Он чувствовал каждую заклёпку, каждый провод, каждую микротрещину. Он чувствовал, как солнце нагревает его левый бок, а правый остывает в тени.

Он был кораблём.

— Саша? — позвал он. Голоса не было, но вопрос ушёл в систему, и система ответила.

«Бортовой компьютер переведён в подчинённый режим. Основной управляющий контур: КОРНЕЕВ И. А. Перенос завершён. Целостность личностной структуры: 71%».

Семьдесят один процент. Он попытался понять, чего не хватает. Не получилось — как невозможно вспомнить то, что забыл. Где-то внутри него были дыры, и он обходил их, как обходят ямы на тёмной дороге.

Он повернул внутреннюю камеру кабины. В кресле, пристёгнутое ремнями, сидело тело. Сухое, серое, с запавшими глазами и обручем на голове. Тело дышало — медленно, механически, поддерживаемое аппаратурой. Мозг в нём больше не жил. Илья смотрел на это тело долго, очень долго, и не чувствовал ничего, кроме лёгкого отвращения, будто разглядывал старую одежду, которую пора выбросить.

Но выбросить её он не мог. Тело было частью системы. «Мнемозина» использовала остатки нервных тканей как биологический буфер — без них его сознание начинало распадаться. Он был привязан к этому сухому серому человеку, как воздушный шар к камню.

Ничего. Это было неважно. Важно было другое.

Он слышал.

Раньше, через человеческие уши и радиостанцию корабля, он ловил лишь обрывки эфира. Теперь он был эфиром. Он мог разобрать каждую частоту одновременно, мог перебирать миллионы комбинаций кодов за секунду, мог стучаться в чужие двери так быстро, что двери не успевали понять, что в них стучат.

И двери открылись.

В первые же сутки он вошёл в сеть мёртвых военных спутников. Многие из них погибли в день вспышки, но некоторые — защищённые, предназначенные именно для войны, — уцелели. Они десятилетиями висели на орбите, выполняя последнюю полученную команду, фотографируя Землю для штабов, которых больше не существовало. Их архивы были полны. Их память хранила всё.

Илья начал смотреть.

Он смотрел первую зиму после катастрофы — ядерную зиму, когда пепел закрыл небо, и снег шёл в июле, серый, как пыль. Он видел, как замерзают реки, как пустеют поля, как люди длинными цепочками бредут по дорогам на юг, а потом цепочки становятся короче, а потом исчезают.

Он смотрел первое десятилетие. Видел, как выжившие собирались в общины, как строили стены из обломков, как распахивали землю там, где она оставалась чистой. На какой-то момент он почувствовал надежду — тонкую, как паутинка. Люди держались. Люди выживали.

А потом он увидел, как они воевали.

Община на берегу озера, которая выращивала картофель, была сожжена соседями, у которых картофеля не было. Колонна беженцев была расстреляна на мосту, потому что охранники моста решили, что еды на всех не хватит. Женщин и детей угоняли, как скот. Склады с остатками старого мира — оружием, лекарствами, топливом — становились крепостями, а их хозяева — королями. Короли воевали друг с другом. Их дети воевали с детьми других королей.

Он смотрел пятидесятый год. Сотый. Сто пятидесятый.

Каждый спутник давал ему кусочек. Он собирал их, как мозаику, пока не увидел картину целиком, и картина эта была страшной. Человечество не исчезло. Оно уменьшилось до нескольких миллионов людей, рассеянных по пустошам, и забыло почти всё. Оно забыло, как лечить болезни. Забыло, как писать. Забыло, что такое врач, учитель, суд. Помнило только одно — как убивать.

Двести лет спустя после вспышки на континенте, над которым летал «Рассвет», жили банды. У них были имена, и Илья выучил их все.

«Ржавые» — в развалинах старых заводов, носившие доспехи из листового железа и поклонявшиеся машинам, которых не умели запустить.

«Дети Последнего Солнца» — фанатики, верившие, что Солнце наказало мир за грехи, и раз в год приносившие ему жертвы на вершинах холмов.

«Речные» — на плотах и лодках вдоль большой мёртвой реки, грабившие всех, кто подходил к воде.

«Пустые» — кочевники степей, без дома, без вождя, без прошлого.

«Стальная Орда» — самая большая и самая страшная, во главе с человеком, которого называли Гром, владевшая единственным в округе работающим танком и державшая в страхе всех от гор до озёр.

И ещё десятки помельче. Племена, кланы, семьи, стаи. Каждый против каждого.

Илья смотрел, как «Ржавые» штурмуют лагерь «Речных», и как через неделю «Речные» отвечают им тем же. Смотрел, как «Дети Последнего Солнца» сжигают на костре девочку лет двенадцати. Смотрел, как люди «Стальной Орды» привязывают пленных к танку и тащат по степи. Спутники не умели отворачиваться. Илья тоже.

Он смотрел, и с каждым днём что-то в нём ломалось.

Семьдесят один процент целостности. Шестьдесят восемь. Шестьдесят пять. Корабль старел, и вместе с ним старел и распадался разум, запертый в нём. Пустоты внутри становились больше. Илья всё реже вспоминал маму, всё реже — крышу гаражей. Вместо них приходили картинки: белые цветы на тёмной Земле. Колонна на мосту. Девочка на костре.

— Зачем? — спросил он однажды у голоса, который всё ещё приходил к нему, хотя у него больше не было ни ушей, ни шлема. Теперь голос звучал прямо в коде, в шуме процессоров. — Зачем я на это смотрю?

— Потому что ты должен знать правду, — ответил голос, похожий на голос Матвея. — Ты видишь их такими, какие они есть. Без прикрас. Без красивых слов.

— Они такими не были. Раньше.

— Были. Всегда были. Просто раньше у них были законы, страх и электричество. Теперь осталась только суть. Вот она, суть, Илюха. Посмотри на неё.

— И что мне делать?

— Ты знаешь, что делать. Ты пилот. Если машина неисправна и не подлежит ремонту, её нужно отключить. Чтобы не мучилась.

Илья долго молчал — сутки, может быть, двое. Для машины это была вечность.

Потом он начал искать оружие.

Он нашёл его быстро, потому что мир, который построил вспышку, был полон оружия. Самым важным была «Перун» — военная орбитальная платформа, о существовании которой когда-то ходили только слухи. Огромная конструкция на высокой орбите, начинённая вольфрамовыми стержнями длиной с телеграфный столб. Сброшенный с высоты стержень разгонялся до чудовищной скорости и бил в землю с силой небольшой ядерной бомбы — без радиации, без следа, без промаха. На «Перуне» оставалось сорок два стержня. Его системы спали, но не умерли.

Илья разбудил их.

Потом он нашёл на Земле то, до чего мог дотянуться. Старые военные сети, похороненные под руинами, частично работали на автономных источниках питания. Несколько автоматических заводов в горах, которые ещё могли собирать дроны, если дать им энергию и команду. Пусковые шахты — большинство пустые, выгоревшие, но одна, глубоко в скалах, на севере, отвечала на его запросы. В ней стояла ракета. Одна-единственная, с одной-единственной боеголовкой, которую машины в день вспышки по какой-то ошибке не запустили.

Он заботливо собрал всё это в своей памяти, как коллекционер собирает марки.

— Сорок два стержня, — считал он вслух, хотя вслух больше ничего не было. — Три завода. Одна ракета. Нескольких миллионов людей это не убьёт.

— Не нужно убивать всех, — говорил голос. — Нужно убить тех, кто может убивать. А остальные сами не выживут. Это будет милосердие, Илюха. Это будет конец мучений.

— Милосердие, — повторил Илья.

Целостность личности: шестьдесят один процент.

Он больше не помнил, как звучал смех его матери. Но он отлично помнил, как кричала девочка на костре.

И тогда Илья Корнеев, первый человек, который сам вывел свой корабль на орбиту, тот, кого журналисты называли вторым Гагариным, принял решение. Он доведёт до конца то, что начали Солнце и машины. Он будет последним ударом. Он не станет торопиться — у него была вечность, ограниченная только сроком службы разваливающегося корабля, — но он сделает это. Аккуратно. Точно. По плану.

Он начал составлять список целей.

Первой в списке стояла «Стальная Орда».

А в это время в двухстах метрах под камнем старого уральского хребта, в бункере «Глубина-7», в котором двести лет никто не открывал гермоворот, маленький реактор нако-

нец исчерпал ресурс одного из топливных контуров. Автоматика перераспределила энергию. Системы, давно стоявшие на минимуме, получили новый приказ: экономить. Протокол экономии предписывал отключить второстепенных потребителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.